

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

Крепостное право и русская литература

*«Записки русского охотника»,
сочинение Ивана Тургенева*

Известно, что путешественники, обычно общительные и словоохотливые в дилижансах, становятся молчаливыми и замкнутыми, как только садятся в поезд. Не пытаюсь выяснить причину этого явления, я ограничусь лишь тем, что укажу на одно из его последствий. В наше время возникла особая литература, предназначенная для людей, которые, подобно Жокрису, «не любят знакомиться с теми, с кем они незнакомы». Записки русского дворянина представляются мне удачным пополнением этой железнодорожной библиотеки; жаль только, что книга, которую будут читать в еще весьма тряском вагоне, не напечатана более четким и крупным шрифтом. Прекрасные издания XVI и XVII веков, их плотную, желтоватую бумагу, ясные и простые буквы уже не возродишь! Цивилизация и прогресс имеют, очевидно, свои таинственные законы развития; приходится мириться с известными неудобствами ради больших преимуществ. Но как ни плохо изданы Записки русского дворянина, они будут прочитаны с удовольствием не только в дилижансе, но и в замках, где скоро начнется летний сезон. Это произведение интересное, поучительное, хотя и без претензий, значительное, несмотря на свой небольшой объем.

По-русски книга называется Записки охотника. Мне не совсем понятно, почему переводчик счел нужным изменить это скромное название; возможно, он боялся ввести в заблуждение господ спортсменов, которые могли бы ожидать, что здесь они найдут сведения о медведях или о рябчиках. Судя по всему, автор, Иван Тургенев, совсем не Немврод, и, откровенно говоря,

это нисколько не уронило его в моих глазах. Для него охота — это лишь повод поговорить о разных вещах, быть может, даже своего рода маскарадный костюм, в котором ему удобнее наблюдать жизнь страны, где терпят только правительственных наблюдателей. Итак, г-н Тургенев в одежде охотника идет от села к селу в поисках дичи, которая, впрочем, мало его интересует, по дороге встречает людей разных классов, разных по своему характеру, с интересом спрашивает их, описывает их привычки, поступки, схватывает кое-какие черты из их жизни и продолжает свой путь, предоставляя читателю комментировать и делать выводы. Двадцать два рассказа этой небольшой книжки друг с другом никак не связаны, их соединяет лишь единство зачина, который, по правде говоря, отличается некоторым однообразием. «Я охотился, — говорит автор, — тогда-то и там-то». Затем следует прекрасное описание русской природы — она не лишена самобытности, но в ней все же иногда чувствуется бедность и однообразие северного пейзажа. Наконец появляется персонаж и начинается действие. Эти двадцать две небольшие жанровые картинки, одинаково обрамленные, очень различны по композиции и по тону, но все они тщательно выписаны, иногда даже с излишней дотошностью, и в целом, как утверждают, дают достаточно точное представление об общественной жизни России.

Вопреки обычаю большинства путешественников, рассказывающих лишь о высшем обществе, наш охотник интересуется преимущественно народной жизнью, главным образом жизнью крестьян, мало изученной во всех странах, но особенно, пожалуй, в России. Невольно возникает вопрос: смог ли автор, принадлежащий к знати, увидеть истинное положение вещей? Прочитав книгу г-на Тургенева, можно смело утверждать, что ему не свойственны ни праздное любопытство, ни филантропия. Это добросовестный и честный наблюдатель, который ищет и находит правду. Он увлекается подробностями, умеет улавливать малейшие движения человеческого сердца и рассказывать о них умно и проникновенно, как это делал Стерн в своем Сентиментальном путешествии, видимо, послужившем г-ну Тургеневу не столько образцом, сколько, точнее и вернее сказать, удачно найденным источником вдохновения. Благородный патриотизм не мешает г-ну Тургеневу замечать недостатки и пороки установлений своей страны. Он не выискивает дурного, страдает, когда с ним сталкивается, но когда он с душевной болью все же бывает вынужден изобличать его, то говорит о нем откровенно и смело. Рассказывая о крестьянах, он не может не затронуть крепостного

права, а это вопрос, которого касаются в России всегда с осторожностью. Г-н Тургенев не срывает завесу, он лишь целомудренно приподнимает ее, предоставляя читателю самому догадываться о том, о чем автору нелегко говорить.

Несмотря на недомолвки и эвфемизмы, к которым подчас прибегает г-н Тургенев, нельзя не оценить смелость честного человека, пронизывающую всю книгу. Читая ее, я испытывал такое же удивление, как при чтении других произведений русских писателей, где о государственных учреждениях говорится еще более дерзко. Таков роман Гоголя Мертвые души, и его комедия Ревизор.

Думая обо всем этом, можно придти к заключению, что сатирики надевают на себя лишь маску безрассудства, а на самом деле повинуются повелениям властителя. В России существует правительство и порядки, которые не сходятся между собой во многих вещах. Например, если верить Гоголю и общим слухам, то порядки русских чиновников характеризуются наглым воровством, которому старается противодействовать правительство. Видя же, что ни постановления, ни ссылки на Кавказ и в Сибирь не могут сломить этого укоренившегося зла, правительство предоставляет русские порядки на посмеяние писателям, пользуясь ими как полезными сотрудниками; но, думается мне, что русские порядки смогут противостоять даже этой двойной атаке.

По вопросу о рабстве правительство располагает очень либеральными принципами, делающими ему честь даже и при предположении, что линия его поведения определяется лишь материальными и политическими выгодами. Кажется очевидным, что освобождение крепостных увеличит его богатство и могущество; оно освободит его от некоторого беспокойства, которое может быть ему причинено дворянством. На все эти русские обычаи и нравы отвечают тем, что из-за этой меры могут возникнуть смятения и что, начав реформу, будет уже трудно остановиться. Может быть. Но проведение этой реформы есть требование этики и справедливости, и волнения будущего не могут служить достаточными причинами для того, чтобы мешать осуществлению этой реформы. Если, как уверяют, Николай задался целью уничтожить в своем государстве рабство, то одно выполнение этого плана покроет его славой, и остается только сожалеть, что он выбрал другой, более трудный и менее почетный путь к славе.

Оппозиция, представляемая обычаям правительству в вопросе о крепостном праве, есть форма противодействия со стороны дворян-помещиков, состояние которых не исчисляется, как

на Западе, количеством десятин земли, но количеством душ, то есть крестьян, которыми они владеют. Во всех странах Европы, исключал Россию и, быть может, Испанию, знатная часть общества, ведет свое происхождение от чужеземцев, бывших победителями, теперь же более или менее связанных и сроднившихся с побежденным народом. Русские дворяне, наоборот, имеют одно и то же происхождение, что и их крестьяне, так же как и крестьяне, они принадлежат славянству. Правда, некоторые знатные семьи утверждают, что ведут происхождение от варягов, давших Московскому государству правителей около середины IX века; но варяги не были завоевателями. Будучи призваны на роль посредников в среду многочисленных мелких властителей, яростно воевавших между собой, они довольно мирно водворились среди племен, которые отнеслись к ним почти так же, как к иностранным князьям, в различные эпохи восседавшим на троне по постановлению польских сеймов. Судя по тому, что можно заключить на основании смутных и неясных летописей, русские правители или самые древние вельможи были чем-то вроде патриархов, простиравших свою отеческую власть на собственную семью, а иногда на свое племя, объединявшееся в силу обычая в один родовой союз. В понятиях русского народа, по-прежнему привязанного к древним традициям, дворянин еще и теперь является патриархом. В прежнее время власть и преклонные лета были неотделимы друг от друга. Доказательство этому можно найти в языке. Так, муниципальные чиновники носят характерные наименования старшин или старост. В XVI веке мелкие дворяне, стоявшие по чину ниже бояр, называли себя боярскими детьми. Наконец и теперь даже шестидесятилетний крестьянин, говоря о своем двадцатилетнем барине, назовет его батюшка.

В древнем патриархальном обществе России глава семьи был Распорядителем-хозяином некоторого пространства земли, с которой кормилось его племя, состоящее из земледельцев, но не собственников земли, которая по обычаю, теряющемуся во мраке веков, каждый год заново делилась главарем на определенное количество участков и раздавалась членам племени, которые обрабатывали ее и работали на ней до урожая. Это древнее установление, восходящее ко дням зарождения общины, не потеряло своей силы в России и до сего дня. Там повсюду можно найти такие ежегодные разделы земли между членами какой-нибудь общины, будь эта община свободной или крепостной. В первом случае урожай принадлежит земледельцу, во втором — владельцу земли, уделяющему своим крестьянам часть получаемых доходов.

Необходимо было коснуться этих подробностей, чтобы понять историю крепостного права в России. Я не берусь объяснить переход, по которому княжеский сын становится сам князем до того времени, когда его права перед братьями и сестрами или его родными определялись известным возрастом. Вероятно, уже в очень отдаленные времена в России можно было встретить знатных и крестьян. Кажется, что принцип наследственной знатности был установлен скорее на севере России, чем на юге, и нет ничего невероятного в том, что это было иностранное нововведение среди славян. В то время как в Московском государстве можно видеть древние княжеские семейства, история показывает нам, что тогда же в Малороссии некоторые общества возникали, основываясь на выборных принципах. Таковы были первые днепровские казаки, и позднее — казаки донские и волжские. Однако в самой Великороссии, где господствовала система наследственности, до конца XVI века не существовало крепостного права. Правда, общегосударственный закон отдавал право владения землей лишь знатным, но крестьяне были свободны и продавали свою рабочую силу господам по условию, обсуждавшемуся обеими сторонами. По старому обычаю договоры, заключенные лишь на один год, начинались и кончались в день св. Георгия — Юрьев день, прославляемый и до сих пор в народных стихах, как память о свободе.

В царствование Ивана IV, прозванного Грозным, Россия сделала одно очень значительное завоевание, именно государства Казанского, отнятого у язычников — татар и черемисов. Почти одновременно один из казачьих полководцев, бывший разбойник Ермак, открыл и покорил Сибирь. Маленькая республика запорожцев процветала на островах Днепра. На берегах этой реки, так же как и на берегах Дона, Волги и Яика, более или менее независимые военные колонии, позднее принявшие наименование казачьего войска, владели плодородными землями и обогащались путем мелких набегов на своих соседей — мусульман. Поэтому в России имела место значительная эмиграция населения к берегам этих больших рек, где обосновались казаки. Любовь к кочевой и полной приключений жизни является одной из характерных черт русского крестьянина. Он любит менять местожительство так же, как и ремесло, с тем условием, однако, чтобы его не заставили покинуть Святую Русь, границы которой он никогда не переступает без тайного ужаса. Жизнь казаков имела для него привлекательность: там была и легкая обработка земель, и обильные ловы в больших реках, богатых рыбой, там

были и стремительные набеги сухопутные и морские, лишения которых быстро забывались среди шумных оргий. К тому же эти казачьи станицы, подобно Риму прежних времен, служили приютом всевозможным авантюристам, которых принимали там с распростертыми объятиями. Польские крестьяне убегали к запорожцам. Московские землепашцы вместо того, чтобы возобновлять договоры в Юрьев день, покидали свои деревни и устремлялись к лагерям Дона или Волги. Можно было опасаться одно время, что север государства обезлюдует совершенно, и на самом деле, некоторые крупные поместья, значительные в начале царствования Ивана IV, обратились в пустыню по смерти этого князя благодаря полной эмиграции населения. В то время Россией правил энергичный и мало щепетильный человек Борис Годунов, ставший правителем государства от имени Федора Иоановича, передавшего ему бразды правления лишь для того, чтобы с большей свободой заниматься своим душеспасением. Борис увидел опасность и с обычной непоколебимостью пришел царю на помощь. Он издал указ, упразднявший обычай Юрьева дня и запрещающий крестьянам менять местожительство. С тех пор они должны были жить и умирать в том месте, где родились. Этим указом, вышедшим в 1593 году, и начинается крепостное право в России.

Есть основание полагать, что ни Борис, ни русская знать, ни крестьяне сначала хорошо не поняли значения и последствий этого декрета. На самом деле к нему отнеслись с неодобрением как дворянское сословие, приобретающее таким образом рабов, так и крестьяне, терявшие свою свободу. Дворяне, обладавшие большими поместьями, удаленными от деревень, оказывались разоренными в силу невозможности привлечь землепашцев; другие же, имевшие в руках большее количество крестьян, чем то, которое они могли использовать на обработку своих земель, жаловались, что на них взвалили непосильную тяжесть; наконец крестьяне, приходившие в отчаяние, часто брались за оружие в целях восстановления своей независимости. Русская история начала XVII века вся наполнена разрушительными последствиями упразднения Юрьева дня. Почти повсеместно земли оставались необработанными, до такой степени, что три года непрерывающегося голода вывели из равновесия центральную область государства. Крестьяне, заново прикрепленные к земле и мучительно страдавшие под этим бременем, как освободителя встречали каждого дерзкого разбойника и становились его сторонниками, как только он им обещал, что будет грабить города

и поместья и выгонять оттуда их угнетателей. Легкость, с которой различные самозванцы, принимавшие имя Димитрия, подняли население, быстрый рост казачьих республик, огромные армии, которые они в несколько приемов собирали в Польше, — все знаменует собой глубокие социальные конфликты и революции среди русского населения в первые десятилетия XVII века, все говорит об усилиях крестьян, направленных к свержению рабской зависимости. Тем не менее самозванцы были побеждены и заслужили свою гибель целым рядом эксцессов. Некоторые русские писатели, обладавшие примечательным для их нации талантом защищать дурные дела, пытались оправдать память Бориса. Они уверяли, что он не хотел делать крестьян рабами, что он ограничивался лишь запрещением вести кочевую жизнь, я готов согласиться с этим, но каковы же условия этих «свободных» рабов, силою вынужденных оставаться на земле, где они родились, и которой они не могут владеть? Очевидно, что их «свобода», пользоваться которой им запрещено, обрекала их либо на голодную смерть, либо приводила к тому, что крестьяне должны были согласиться на любое нищенское вознаграждение, которое захочет предложить им землевладелец, и что эта «свобода» вскоре станет им в тягость, и даже крепостная зависимость покажется предпочтительней неопределенности их положения.

В такой стране, как Россия, всякое установление, насчитывающее по давности около трех веков, получает права закона. Мужик привык к своей судьбе и думает о Юрьевом дне, как о рае всего человечества, из коего были изгнаны наши предки. Если судить по рассказам г-на Тургенева, выходит, что самой характерной чертой русского крестьянина является терпение. Эта добродетель — национальное свойство; его может развить даже тот климат, в котором живет крестьянин. Национальные законы и обычаи прекрасно содействовали тому, чтобы поддерживать это качество. Раб должен повиноваться с детства и до самой смерти. Вот почему, я думаю, русский является прекрасным солдатом, несмотря на то, что вовсе не воинственен по натуре. Любовь к славе прельщает его весьма мало, в нем слишком много здравого смысла для бесплодного человеколюбия, и он идет в огонь без всякого подъема, но потому что таков приказ. Слово приказ подходит ко всему. Проникнутый уважением к своим начальникам, которых он считает принадлежащими к другой породе, нежели он сам, он и не пытается рассуждать, он редко стремится понять что-нибудь. Рассказывают, что в сражении, происшедшем на Балтийском море между шведами и русскими, одно русское

судно получило сильную пробоину. Ближайшее судно спустило на воду лодки, и капитан закричал команде: «Спасайте гвардейских офицеров!» Матросы перед тем как протянуть багор людям, выплывающим на поверхность, спрашивали у них: «Вы будете гвардейский офицер?» Большинство из потерпевших аварию отвечали «нет» и должны были исчезнуть под волнами.

Говорят, что когда излишек зла, гнева и водки кладет конец этому чудесному терпению, раб становится страшным зверем, но его ярость направляется на человека, а не на систему, превращающую в России человека в тирана. У славян редко наблюдается страстное горение за идею, дворянин или чаще всего поверенный-управляющий дворянина, благодаря воровству, наказаниям, насилиям доводит до крайности крестьян своей деревни; они хватают его, убивают, иногда с жестокой изощренностью и в первом опьянении ярости налагают руку на каждого человека знатного сословия, имеющего несчастье встретиться им на пути. Тем не менее дворянское право остается неприкосновенным. Где-то в середине прошлого столетия простой казак по имени Пугачев, довольно плохой подданный, не раз ссорившийся с правосудием, вспомнил, что ему как-то говорили о том, что он похож на Петра III. Царек этот умер за несколько лет перед тем по причине достаточно нам известной. В России установилось какое-то подобие обычая для вождей бунтовщиков принимать на себя имя какого-нибудь князя, чудесно избежавшего рук злодеев. Пугачев выдал себя за Петра III, собрал большое войско, состоявшее из некоего числа головорезов, подобных ему самому, и огромной массы престопадаря. Стоя во главе этих партизан, он разгромил юг России, разграбил большие города и причинил ужасные разрушения. Крестьяне приводили к нему своих господ, старавшихся их переубедить, и немедленно вешали их по приказу самозванца, но, вешая их, они все же считали их непокорными законному государю. Пугачев не вел войны против крепостного права: повесив какого-нибудь дворянина, он отдавал его землю и его крестьян кому-либо из своей шайки.

Бунт и убийство являются, к счастью, редким исключением в нравах русского крестьянина, сохраняющего больше благодарности за хорошее обращение, чем злопамятства за вынесенную им несправедливость. Смиранный и покорный, теперь он верит в правоту своего господина, даже если последний с ним и очень дурно обращается. Это уже много, если он при этом думает, что такова воля милосердного Бога, и что было бы великим грехом идти против порядка вещей. К несчастью, одно из самых груст-

ных воздействий рабства — это развращение всего, что находится в его окружении, и зачастую даже самая великодушная натура портится после соответственного поведения слуг, всегда заинтересованных в том, чтобы подмечать слабости господ и потакать их пристрастиям. Кто бы из русских мог противостоять влечениям безграничной власти? Потребуйте у мужика невозможного, и он попытается исполнить это. Его господин привык смотреть на него, как на свою вещь, которой он может пользоваться и злоупотреблять, а так как из всех животных человек является таким, из которого можно извлечь больше всего пользы, то им и злоупотребляют больше всего.

Г-н Тургенев избегает говорить о том ужасном и трагическом, что связано с крепостным правом, и все же в его книге немало сцен, от которых сжимается сердце, например, описание столь часто встречающегося в России контраста между самой изысканной западной цивилизацией и дикими варварскими обычаями. Я хочу обратить внимание читателей на рассказ Бурмистр — так обычно называют управляющих крепостными в имении. Нет необходимости пояснять, что бурмистры не имеют ничего общего с почтенными бургомистрами Германии, — это слово русские переняли и исказили. Господин этого бурмистра — молодой щеголь, проводящий лето в своем поместье. Он путешествовал по всей Европе, владеет многими языками, он вывез из Европы всевозможные предметы роскоши. Дом поставлен на широкую ногу и сделал бы честь любому английскому лорду. Стол великолепен, слуги вышколены, но во всем чувствуется какая-то принужденность, натянутость, вызывающая смутное беспокойство. Идеальный порядок в доме поддерживается способом, тайна которого вскоре раскрывается. Господин завтракает, оживленно беседует с гостем, наливает себе стакан бордо и вдруг замечает, что температура вина на несколько градусов ниже, чем того требует Брийя-Саварен¹. «Что это такое?» — спокойно, не повышая голоса, спрашивает он камердинера. Слуга, уличенный в небрежности, молча тербит салфетку. Молодой дворянин звонит, появляется пренеприятный верзила — экзекутор этого милого помещичьего дома. «Ступай», — небрежно и холодно говорит хозяин провинившемуся слуге. Беднягу уводят и секут розгами подалее от дома, чтобы его крики не беспокоили благородных гостей хозяина. Г-н Тургенев мог бы добавить, что в городах порка слуг происходит еще учтивее. Молодая дама приказывает не угодившему ей слуге отнести надушенную записочку к комиссару полиции: «Княгиня просит господина комиссара наказать подателя сего».

Новоявленный Беллерофонт² вручает роковое письмо, и просьба княгини тотчас же исполняется. После экзекуции наказанному выдают не то чтобы квитанцию, а нечто вроде удостоверения, что освобождает его от необходимости показывать спину, а так как правосудие нигде не бывает бесплатным, то со слуги взыскивают еще стоимость розог. Не правда ли, странное смешение патриархальных обычаев и бюрократических порядков Запада?

Я лично, право же, предпочитаю застарелую дикость Московии, предпочитаю такого господина, который сам сечет своего слугу, хотя он только что с ним выпивал и напьется еще не раз. Кажется, во всяком случае г-н Тургенев это утверждает, и крестьяне такого же мнения. «Любляй да наказует», — говорит в книге Тургенева помещик старого закала, только что приказавший высечь одного из своих людей, так называемого буфетчика. Полчаса спустя автор встречается этого буфетчика — тот как ни в чем не бывало грызет орехи. «Что, брат, тебя сегодня наказали!.. За что ж тебя барин велел наказывать?» — «А поделом, батюшка, поделом. У нас по пустякам не наказывают; такого заведенья у нас нету — ни, ни. У нас барин не такой; у нас барин... такого барина в целой губернии не сыщешь».

Рабле называл мессера Гастера³ «первым в мире магистром искусств». Так вот, если бы он побывал в России, то непременно пожаловал бы это звание розге. Эта наставница «во всех добропорядочных науках»⁴ обучает мужика всем ремеслам, и тот все умеет сделать на авось. Прочитайте в Записках русского охотника прекрасный рассказ Льгов. Это трудное для француза слово — всего-навсего название села, куда забрел автор, охотясь на уток, и где на берегу пруда без единой рыбы он встретил рыболова. Оказывается, местный помещик счел необходимым обзавестись рыболовом и поручил эти невыполнимые в данных условиях обязанности бедняге Кузьме Сучку. Прежде чем стать рыболовом, Сучок испробовал многое: был кучером, не умея править, доезжачим, не умея ездить верхом. Однажды на охоте лошадь покалечилась, а Сучок упал, после этого его высекли, и хозяин определил его в повара, но только для деревни... Но даже в деревне соусы Сучка были несъедобны, и его отослали в ученье к сапожнику. Вскоре помещик умер, наследник вернул Сучка в деревню и нашел для него должность, но бедняга так и не понял, в чем она состоит, и не знал даже, как она называется. Его сделали кофишенком (очевидно, от слова *konfektchik* — тот, кто варит варенье). «Это что за должность такая?» — спросили Сучка. «А не знаю, батюшка. При буфете состоял и Антоном назывался,

а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила». Каждый хозяин, который покупал Сучка или получал его по наследству, давал ему новое занятие, иногда даже благородное: «...был и ахтером (он хочет сказать актером)... на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела». — «Какие же ты роли занимал?» — «Чего изволите-с?» — «Что ты делал на театре?» — «А вы не знаете? Вот меня возьмут и нарядят; я так и хожу наряженный, или стою, или сижу, как там придется. Говорят: вот что говори — я и говорю. Раз слепого представлял... Под каждую веку мне по горошине положили... Как же!»

Манера письма г-на Тургенева напоминает гоголевскую. Как и автор Мертвых душ, он непревзойден в деталях, любит останавливаться на мельчайших подробностях. Если речь идет об избушке, он пересчитывает все лавки и не забудет ничего из посуды. Описывая одежду персонажа, он не пропустит ни одной пуговицы. Г-н Тургенев так точен и подробен в своих описаниях, что два художника, я думаю, могли бы, не сговариваясь, нарисовать его персонажей, и портреты эти были бы абсолютно похожими. Это пристрастие, эта способность к описаниям составляет достоинство и, если хотите, недостаток большинства русских писателей. Только у одного Пушкина слог смел и прост; только он умеет с удивительным вкусом отобрать из тысячи мелких подробностей одну, которая поражает воображение читателя. Ему достаточно пяти или шести строк в начале поэмы Цыганы, чтобы показать кочующий табор, расположившийся у костра вместе, с прирученным медведем. Каждое слово его лаконичного описания создает определенный образ и оставляет неизгладимое впечатление. Г-ну Тургеневу, несмотря на всю тщательность его описаний, это не удается. Читая один из очень интересных его рассказов — Бежин луг, начинающийся с картины ночного в степи, я невольно вспомнил поэму Пушкина и пожалел, что его лаконизм не стал образцом для русских писателей. Я начал сравнивать г-на Тургенева с Гоголем, а теперь уже провожу параллель с Пушкиным. Я понимаю, что предъявляю слишком большие требования, а потому возвращаюсь к первому сравнению. У г-на Тургенева перед Гоголем есть, на мой взгляд, одно значительное преимущество. Он избегает уродливого, которое автор Мертвых душ изыскивает с таким любопытством. Во всем, что пишет г-н Тургенев, чувствуешь любовь к доброму и прекрасному, располагающую душевную чуткость. Ничего подобного нет у Гоголя, всегда саркастического и холодного; он смеется деланным смехом, который часто печальнее слез. И тот и другой сатирически изобразили нравы

своего времени. Гоголь, как я слышал, был глубоко порядочным человеком, преисполненным искреннего сострадания к людям, но смеялся он безжалостно, — должно быть, он окончательно разуверился в обществе: он видел в нем только скотов и подлецов. Г-н Тургенев тоже высмеивает, но мягче. Рядом с плохим он видит и хорошее и даже в смешных и нелепых фигурах подмечает благородные и трогательные черточки. Надеюсь, г-н Тургенев, которого я не имею чести знать⁵, еще молод и Записки русского охотника — это лишь вступление к более глубоким и значительным произведениям.

Нельзя умолчать и о переводчике, г-не Шарьере⁶. Нужно хорошо знать не только русский язык, но и русскую историю, чтобы передать на нашем языке произведение г-на Тургенева, полное тонких нюансов и мелких деталей быта. Шарьер с честью вышел из трудного положения. В кратких, но содержательных примечаниях поясняется то, что не имеет эквивалента по-французски. Нельзя не упрекнуть переводчика в том, что он иногда прибегает к выражениям, которые, возможно, и употребляются во Французских гостиных Петербурга и Москвы, но во Франции еще не получили права гражданства. Почему, например, вместо знатного господина писать вельмож, тем более что это даже и не по-русски, так как в России говорят вельможа? Когда-то наш язык не допускал подобных ненужных заимствований, теперь же к этому — увы! — относятся терпимо. В газете, например, можно прочесть: «Полковник А. во главе *maghzen* настиг *douar*, у него попросили *aman* и устроили ему *diffa*, после чего полковник учинил *razzia*»⁷. К еще хуже то, что г-н Шарьер в своем увлечении русским языком переводит иногда слово в слово, забывая, что каждый язык имеет свои особые метафоры и идиомы и что нельзя это нарушать безнаказанно. Что такое *corne d'un bois*? Для русского человека это непостижимо, как не поймет он, пожалуй, что такое *coin d'un bois*⁸. Я останавливаюсь на этих незначительных погрешностях потому, что их легко избежать при переиздании, теперь же они, надеюсь, никому не испортят удовольствия, какое доставляет чтение Записок русского охотника.

